

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₇₎

осень — зима
2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
академика И.А. Орбели

- И.Ф. Попова.* И.А. Орбели в Ленинградском отделении
Института востоковедения АН СССР 5
Ж.С. Мусаэлян. И.А. Орбели и курдская филология 15

ПУБЛИКАЦИИ

- Танский политический трактат из Дуньхуана.
Предисловие и перевод с китайского языка *И.Ф. Поповой* 22
Документы из Хара-Хото о займе зерна. Предисловие
и перевод с тангутского языка *Е.И. Кычанова* 38
Аракава Синтаро. О рисунке тангутского «камнемета»,
хранящемся в ИВР РАН 44
Самань куварань-и битхэ («Шаманский двор»). Перевод
с маньчжурского языка и предисловие *Т.А. Пан* 52

ИССЛЕДОВАНИЯ

- О.М. Чунакова.* Парфянские личные имена: семантика
и структура 65
А.Л. Хосроев. К толкованию некоторых понятий
в так называемом «Трехчастном трактате»
(*Nag Hammadi Codex* I.5: 109.21–110.22) 75
З.А. Юсупова. Письменные памятники как источник
изучения курдского языка: «Диван» Ранджури
(на диалекте горани) 96
Ж.С. Мусаэлян. Курдская рукопись середины XIX в.
из Архива Востоковедов ИВР РАН 115
Ю.А. Иоаннесян. Божественное созидательное начало
в авраамических религиях 133
В.Ю. Шелестин. Паритетные договоры царей
Кишцуадны 156
Вэй Ин-чунь. О фрагменте Дх-234 российской дуньхуанской
коллекции (перевод с китайского языка *И.Ф. Поповой*) 183

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.П. Щеглова.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX — первое десятилетие XX в.) 195
- Д.Г. Кукеев.* О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства 210
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века 218
- П.С. Теплюк.* «Законоведная макама» ал-'Аббаса по рукописи В 66 из собрания ИВР РАН 233
- А.М. Кабанов.* Влияние китайской культуры на средневековую Японию (на примере дзэн-буддийской поэзии) 241

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- К.М. Богданов.* Каталогизация материалов фонда тангутских рукописей и ксилографов ИВР РАН: история, проблемы, перспективы работы 269
- К.Г. Маранджян.* Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» 281
- С.И. Марахонова.* Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. 304
- А.Я. Борисов, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК, д. 127, лл. 52–67). Предисловие и публикация *Г.Х. Каплан* 315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.М. Чунакова.* Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели 327
- И.В. Кульганек.* Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011» 331
- А.Х. Юлгушева.* XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов 334
- В.П. Иванов.* XXXIII Зографские чтения. Проблемы интерпретации традиционного индийского текста (16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург) 337
- Ю.В. Болтач.* Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (13–15 июня 2012 г. Санкт-Петербург) 340
- Н.О. Чехович.* Выставка из собрания акад. Николая Лихачева 343
- И.Ф. Попова.* Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия» 345

На четвертой стороне обложки:
Документ из Дуьнхуанской
коллекции ИВР РАН
(к статье Вэй Ин-чунь)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждидова
О.В. Волкова
В.И. Мартынюк
Е.И. Крошкина
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН,
2012

РЕЦЕНЗИИ

- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*И.В. Герасимов*) 348
- Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*С.Л. Бурмистров*) 353
- Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*) 357

IN MEMORIAM

- Анаит Георгиевна Периханян (1928–2012) (*О.М. Чунакова*) 364

Ж.С. Мусаэлян

Курдская рукопись середины XIX в. из Архива Востоковедов ИВР РАН

Рукопись «Курдско-французский разговорник» («Курдские диалоги») из собрания русского ученого, консула в Эрзуруме (Турция) в середине XIX в. А.Д. Жабы, датируемая 1880 г., была передана в Ленинградское отделение Института востоковедения (ныне — ИВР РАН) в мае 1952 г. проф. В.Ф. Минорским. Авторами диалогов являются курдский ученый XIX в. Мела Махмуд Баязиди и двое неизвестных курдских поэтов. В статье рассматриваются история создания этой рукописи, а также отраженные в ней сюжеты: обряды (свадебный, рождение ребенка, похоронный), обычаи, занятия (земледелие, скотоводство, ремёсла), игры и развлечения. Даются сведения о курдских школах, книжных лавках, профессии писаря, об участии курдов в военных действиях, об армяно-курдских отношениях и др. Памятник дает ценный материал для изучения этнографии, культуры и языка курдов того времени.

Ключевые слова: рукопись, обычаи, обряды, земледельцы, скотоводы, ремесленники.

В Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН хранится рукопись из собрания видного русского ученого XIX в. А.Д. Жабы «Курдско-французский разговорник» («Курдские диалоги»), датируемая 1880 г. Рукопись была передана в ЛО Института востоковедения в мае 1952 г. проф. В.Ф. Минорским (АВ ИВР РАН, разряд III, оп. I, ед.хр. 86).

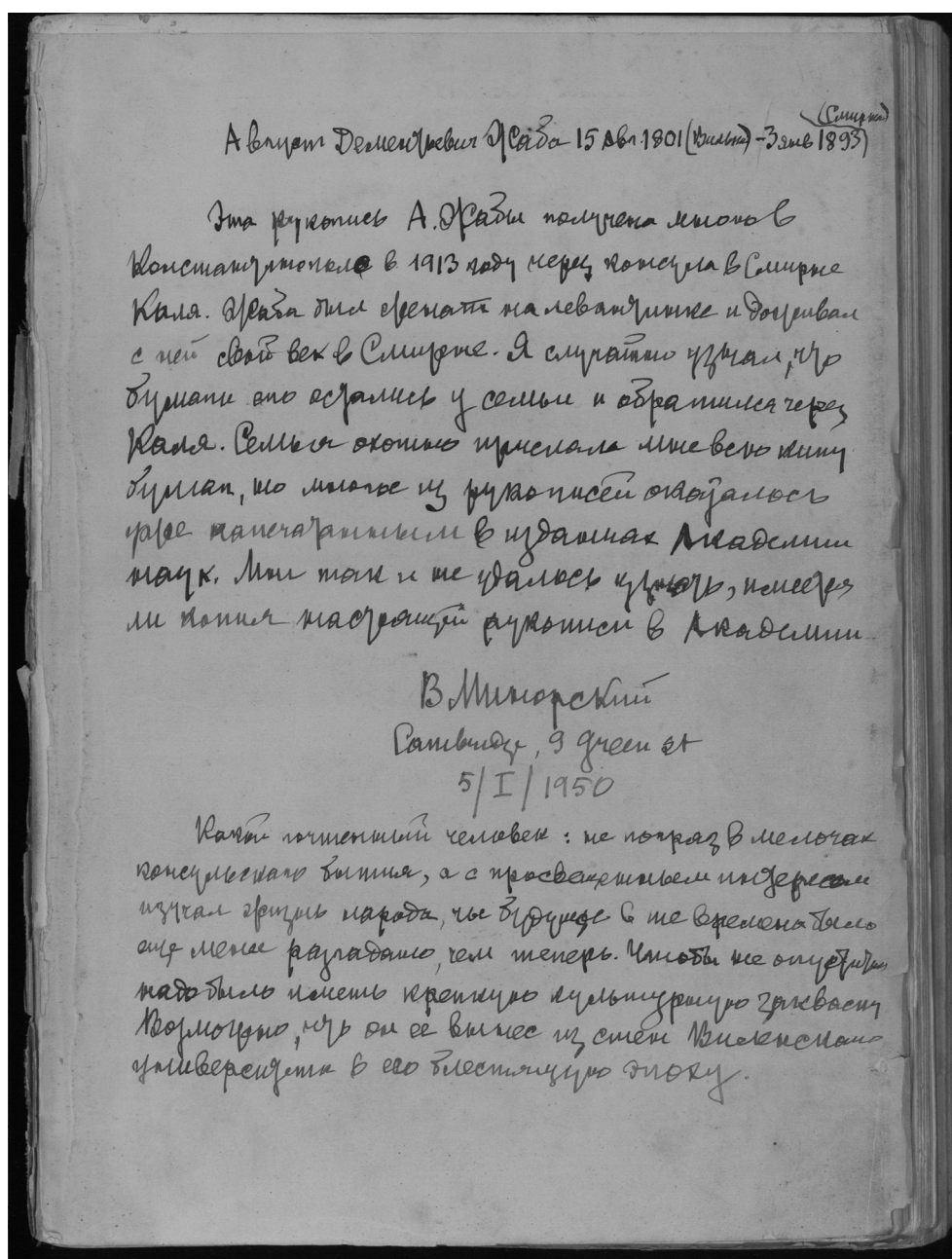
Как известно, Август (Александр) Дементьевич Жаба (1801–1894) в мае 1856 г. был назначен российским консулом в Эрзуруме (Турция). Именно в это время акад. Б.А. Дорн в Петербурге предложил А.Д. Жабе заняться собиранием и изучением материалов на диалекте курдского языка (курманджи). За годы пребывания на посту консула А.Д. Жаба собрал сравнительно небольшую, но очень ценную коллекцию рукописей по истории, этнографии, литературе, фольклору и языку. В 1961 г. известный советский курдовед М.Б. Руденко опубликовала описание этого собрания (Руденко, 1961). Однако этот манускрипт в нем не значится.

Между тем из писем А.Д. Жабы в Петербург Б.А. Дорну следует, что после завершения «Курдско-французского словаря» он работал над разговорником. В марте 1876 г. он сообщает, что собирается прислать эту рукопись в Петербург, а 15 марта 1880 г. в письме к Н.И. Веселовскому бывший консул в Турции рекомендует его вниманию эту рукопись (СПФ АРАН, ф. 2, оп. 1 — 1865, № 20, л. 142). По-видимому, что-то помешало А.Д. Жабе осуществить это намерение.

Личность А.Д. Жабы, его успешная научная деятельность на благо развития отечественного курдоведения не могли не вызвать интерес ученых. В 1858 г. П.А. Чихачев, посетивший русского консула в Эрзуруме, был поражен, увидев объемистые рукописи трудов ученого, занимавшие не одну полку его библиотеки (Чихачев, 1960, с. 37). В.Ф. Минорский также отдает ему дань уважения и восхищения. На отдельном листе после оглавления рукописи В.Ф. Минорский оставляет запись: «Какой почтен-

eidi kichané bider lazimé	ابدي كشانه بيدر لازم	٢٤٠
bilani ji-tchirini kikelas bibin padhi	بدنه ژيچيني خيلاص بين پڅي	ج
Behser pyndjehou sei bider kirin ve ahvalid vi ve eljehi bideri karir kirine	بختا پڅه ويسي بيدر كويه وده ليدوي و د جوي بيدري حاضر كړنه	سي
heij au daïne	هېڅ اډانه	ج
koulech herrou hatie bideri	كوش همدهاته بيدري	سي
beli peikwe inane	بې پيكفه اڼانه	ج
di ki rouji dest le-koutari	دي كي روژي دست بگوتانه بگه	سي
rouja ich-chenli ibtida dilitin	روژا بله شني ابتدا دېتي	ج
ulatid vè bideri hein	الانيد وې بيدري هېڅه	سي
hindiki ji kirmin	هندك ژي كېښه	ج
tchi hein vetchi kirmin	چ هېڅه وچم كېښه	سي
bijinki ve serad hein	بيژنك و سرادهېڅه	ج
ei dimaï tcharan	اېد ماېې چوانه	سي
ج		

٢٤٨		
سی	یختی اوله زمانه فنج دزانی	yani evan ximanan qendj dizarim
ج	بقدر الحال دزانی	be qaderi-t hal dizarim
سی	خوندنا وله زمانه زی دزانی	bihoundina van ximanan ji dizarim
ج	اوی زی دزانی	evi ji dizarim
سی	وکو صبح بیتی وکلا اهلکی خبر دوی	Vekou kacūdje' bebitin dighel ahli khaber didi
ج	نه دها فنج دزانی	ne vouha qendj dizarim
سی	شد دزمانه که بیا که زمانه که زخمه دزانی بیتی اوی زی پیده بیتی	Mesela ji-ximanehi liyali ximanehi terdjurne' lazim bebitin evi ji peik-tini
ج	اوی زی پیده بیتی	Evi ji peik-tinim
سی	دسانه تو تمام ملای	vousane' tou ternam melai
ج	نه مدتی مه بینه زمانه دزانی	ne melaita min nime' ximani dizarim
سی	ما شاء الله قوی کال	Ma-cha-allah khous kemali
ج	نه ناخ زمانه فله که زی سه دکی	Te nauvi ximani feleki ji sek diki
سی	اوی زی خبر دوی	Evi ji khaber didi
ج	بی قوی زنده فنج	Beli qavi zide' qendj
	سی	

ный человек: не погряз в мелочах консульского бытия, а с просвещенным интересом изучал жизнь народа, чье будущее в те времена было еще менее разгадано, чем теперь. Чтобы не опуститься, надо было иметь крепкую культурную закуску. Возможно, что он ее вынес из стен Виленского университета в его блестящую эпоху.

В 1913 г. В.Ф. Минорский, находясь в Константинополе (почти через 20 лет после смерти А.Д. Жабы) и узнав, что бумаги ученого остались у его семьи в г. Смирне,

обращается к российскому консулу в этом городе Калю с просьбой разыскать оставшийся архив А.Д. Жабы. 5 марта 1913 г. Каль направляет письмо в Российское имп. посольство в Константинополе В.Ф. Минорскому: «Многоуважаемый Владимир Федорович! Я обратился к сыну нашего покойного консула Жабы — Владимиру Жабе с просьбой предоставить в полное Ваше распоряжение присланный мной архив, и Владимир Жаба поручил мне горячо поблагодарить Вас за Ваше намерение напечатать некоторые вещи. Вы можете распорядиться произвольно, как Вам будет угодно, передать рукописи в собственность кому угодно, словом, поступать с ними, как сочтете нужным» (АВ ИВР РАН, разряд III, оп. 1, ед.хр. 86, письмо).

Готовя рукопись курдских диалогов к отправке в Ленинград, В.Ф. Минорский пишет 5 мая 1950 г. на внутренней стороне обложки исследуемой нами рукописи: «Семья охотно прислала мне всю кипу бумаг, но многие из рукописей оказались уже напечатанными в изданиях Академии наук. Мне так и не удалось узнать, имеется ли копия настоящей рукописи в Академии». Этот манускрипт долгое время находился в неразобранном фонде В.Ф. Минорского в Архиве востоковедов и был обнаружен лишь в 90-х гг. XX в. В отечественном и зарубежном курдоведении эта рукопись никогда не исследовалась и не издавалась.

Рукопись «Курдские диалоги» по объему составляет 479 с. На каждой странице — 14 строк. Справа — курдский текст арабицей в форме диалога и латинская транскрипция, выполненная А.Д. Жабой; слева развернутого листа — французский перевод. Как следует из предисловия ученого на французском языке, составителей диалогов трое. Он пишет: «Я собрал в течение моего долгого пребывания в Эрзуруме достаточно полезного материала, способного облегчить изучение курдского языка, так мало известного в Европе. Благосклонное одобрение, которое получили мои слабые курдоведческие труды со стороны имп. Академии наук Петербурга, поощряло меня в моих изысканиях и в конце концов подсказало мне мысль составить курдские диалоги. Для достижения этой цели я должен был обратиться к самим курдам, ибо дело касалось переводов с курдского на французский. Двое моих друзей — современные курдские поэты Акиф Вани и Ашик Сипки, а также мой Ходжа Махмуд Баязиди оказали любезность взять на себя этот труд. Они составили оглавление разделов по темам, и в конечном счете какое-то время каждый приносил мне свою часть...» (КФР, с. 2).

Здесь речь идет прежде всего о его учителе, помощнике, переписчике и авторе ряда рукописей Мела Махмуде Баязиди, а также впервые даны сведения о двух неизвестных курдских поэтах XIX в. Один из них — Акиф Вани, происходивший из Вана, который всю свою жизнь посвятил изучению арабского, персидского и турецкого языков. Обладая феноменальной памятью, он запоминал наизусть поэзию самых известных поэтов. Он достиг совершенства в умении с удивительной легкостью говорить и писать на этих языках и приобрел среди курдов известность поэта за свои газели и рубай. Его слава привлекла внимание Порты. Ему пожаловали титул эфенди и назначили в 1856 г. каймакамом Баязида. Он осуществляет перевод на турецкий язык курдской поэмы «Мам и Зин» под названием «Благовонные растения любви». После перевода 21 главы — около половины — поэмы он был отозван в столицу на другую должность и вынужден был оставить на некоторое время свой перевод. Первый успех его работа получила во время приезда в Эрзурум в 1857 г., когда он показал свой перевод Хейрэддину паше — вали этого города. Правитель был столь доволен, что, добиваясь дружбы Акифа Вани, предложил руку своей единственной дочери — юной красавицы 18-летнему сыну поэта Эмин-аге, не имевшему ни состояния, ни положения. Акиф Вани согласился на этот брак, сочтя это за честь, и Эмин-ага стал

зятем вали. Позднее поэт был назначен мютеассарифом в Батум. Он умер в этом городе в 1863 г., так и не закончив свой перевод (КФР, с. 7).

После смерти Акифа Эфенди (как иначе звали Акифа Вани) другой курдский поэт Ашик Сипки (происходивший из племени сипки) продолжил перевод «Мам и Зин» и полностью его закончил в течение двух лет, дав ему то же название — «Благоуханные растения любви». «Нельзя сравнивать, — отмечает А.Д. Жаба, — Ашика Сипки с Акифом Вани в отношении поэтического таланта. Ашик Сипки владел персидским и турецким почти так же хорошо, как Акиф Вани, но, когда он читал оды Хафиза или же пел турецкие песни, угадывался курдский поэт своего племени».

А.Д. Жаба приводит сведения из жизни Ашика Сипки: в 1232 г. хиджры (1816–1817) он приезжает в Эрзурум в качестве певца. Его пение и стихи производят впечатление на тогдашнего правителя этого города Чапан-оглу, и он приглашает Ашика Сипки к себе на службу как поэта и певца. Из уважения к туркам он отказывается от имени Ашик Сипки и принимает имя Ашик Осман. Богатый и властный Чапан-оглу одаривает своего поэта столь щедро, что обеспечивает ему зажиточное существование. Все стремятся к дружбе с Ашиком Османом. Но по мере того, как приближалась старость, он теряет интерес к своей деятельности и возвращается в свою деревню Казне, расположенную в 2-х часах от Эрзурума.

После смерти своего друга Акифа Вани у Ашика Сипки появилось желание закончить незавершенный перевод поэмы «Мам и Зин». Но, как отмечает А.Д. Жаба, стихотворный перевод на турецкий Ашика Сипки был менее совершенен, чем Акифа Вани. Однако, выполнив эту работу, Ашик Сипки вновь обрел счастье. Он никому не позволял переписывать свой перевод, и только после многочисленных просьб А.Д. Жаба смог перед своим отъездом из Эрзурума получить копию, сверенную автором.

А.Д. Жаба пишет: «Я доволен, что собрал более 3000 чисто курдских диалогов... Могу сказать без самонадеянности, что перевод верен, закончен и соответствует тексту. В этом главное достоинство этой работы, как дань признательности двум поэтам, оказавшим содействие в подготовке этих диалогов» (КФР, с. 8–10).

Как следует из предисловия, завершенного А.Д. Жабой 12 марта 1880 г., весь материал был им собран еще во время его пребывания в Эрзуруме, т.е. до 1866 г., когда он вышел в отставку и поселился в Смирне. А при чтении рукописи, на с. 125, обнаружена дата записи текстов — 1275 г. хиджры (1858–1859).

Что же собой представляет «Курдско-французский разговорник»? Весь материал рукописи состоит из ста разделов (бесед). Диалоги в форме вопросов и ответов ведут некто двое — Слеман (Сыло) и Джафар (Джафо)¹. Вот некоторые названия бесед: «Ночные беседы»; «О школе и учениках»; «Помолвка и свадьба»; «Отъезд на пастбище»; «Возвращение на зимнюю стоянку»; «О приготовлении кушаний и домашнем хозяйстве»; «Визит к больному»; «О посещении базара и необходимых беседах»; «Оседлание лошади для подготовки к отъезду»; «О молотбе пшеницы и приготовлении гумна»; «О благоприятном времени для свадьбы»; «Переговоры о приданом»; «О засухе и наводнении»; «О знании языков»; «О покупке и продаже книг» и т.д.

Из перечисленных некоторых разделов рукописи следует, что тематика диалогов охватывает многие сферы жизни курдов Турции середины XIX в. Начинается рукопись с ритуала приветствия. Здесь употребляется наиболее распространенная речевая формула приветствия. Справляться о здоровье, семье, детях, братьях, сестрах, женах — они или замужем — также стандартные темы разговора у курдов.

¹ В дальнейшем в приводимых примерах переводов текстов рукописи эти имена обозначены как С. и Дж.

Остановимся на некоторых наиболее характерных сюжетах. Надо отметить, что А.Д. Жаба недаром поручил составление диалогов своим друзьям — курдам. В описаниях этикета, обрядов, обычаев авторы отразили свои представления о них, как они это знали и понимали. Так, в описании свадебного обряда можно выделить три этапа. Первый заключается в выборе невесты. Вот как это описано в рукописи:

С.: Если вы её посватаете, лучше её не найдете.

Дж.: Да, я её сватаю.

С.: Ты добьешься своего счастья.

Дж.: Да, на мое счастье подобных девушек нет. Ты знаешь их род?

С.: Я знаю ее мать, она хорошая женщина.

Дж.: А как сама девушка?

С.: Она очень стеснительная и скромная.

Дж.: Говорят, она упрямая.

С.: Нет, это клевета.

Дж.: Она невежлива с людьми.

С.: Нет, она целомудренна и добродетельна.

Дж.: Боюсь, она не подойдет [мне] по возрасту.

С.: Нет, она моя соседка, [ей] семнадцать лет.

Дж.: Что скажешь? Если я посватаюсь, мне [её] отдадут?

С.: [Если она] твоя судьба — отдадут.

Дж.: Боюсь, попросят большой нахт².

С.: Несомненно, попросят (КФР, с. 292, 294, 296)³.

Велись переговоры между родными жениха и невесты, заключалось брачное соглашение. За большой выкуп жених получал невесту. Калым состоял из нескольких овец и коров, а также домашней утвари, комплектов одежды и белья, золотых и серебряных украшений (ожерельев, браслетов, сережек, колец) и др.

Второй этап — обручение. После этого, на третьем этапе, справляют свадьбу. Между обручением и свадьбой проходит некоторое время. Помимо перечисления всех атрибутов приданого называется благоприятное для свадьбы время — ночь на пятницу или понедельник, счастливый месяц — раби-ул-аввал — 3-й месяц мусульманского лунного года. А для окрашивания хной волос и ногтей самое лучшее время — в ночь на понедельник.

Единственное спасение от брака с нелюбимым — похищение, которое может коренным образом изменить судьбу юной курдянки, хотя у курдов похищение никогда не поощрялось и совершалось только с согласия девушки. Если юноша и девушка полюбили друг друга, а родители девушки не отдали ему ее, то тогда он похищал курдянку и привозил ее в дом аги или шейха. Родственники девушки пускались в погоню. Если их настигали в пути, то обоих убивали. Если же беглецы сумели спастись, то родственники уже ничего не могли сделать. Как пишет Мела Махмуд Баязиди, в этом случае ага или шейх, в чей дом явились юноша и девушка, выступают посредниками. Если у юноши нет денег, то ага или шейх либо дает свои, либо собирает у соседей определенную сумму денег, несет в дом родителей девушки и просит за беглецов. Происходит примирение. Девушку выдают за юношу замуж, и вражда прекращается (Мела Махмуд Баязиди, 1963, с. 19). Однако в данной рукописи влюбленные прибегают к посредничеству персидского муллы:

² Нахт — часть приданого, даваемая за девушку.

³ В скобках указывается страница рукописи или номер раздела.

С.: Если они поженились, кто их женил и как это было?

Дж.: Персидский ахунд⁴ их женил, и, возможно, сейчас [у них] уже есть ребенок.

С.: Для племени это дело постыдное, поскольку их женили персидские ахунды. Это стыд и бесчестие.

Дж.: Нет, почему постыдно? Всегда такое случалось у курдов (КФР, с. 35).

В «Диалогах» отражен также обычай кровной мести. Если даже враг приходит в дом как гость, ему оказывают гостеприимство. Приехали гости, им помогли спешиться, привели в диванхане, принесли шербет и кофе, позаботились об их лошадях.

Как замечает Мела Махмуд Баязиди, взамен платы за пролитую кровь могут отдать в жены девушку. Если у кровника есть незамужняя дочь или сестра и если при этом кровомститель согласен, то первый отдает ему в жены дочь или сестру взамен платы за кровь. Стороны примиряются. После примирения и выплаты за кровную месть кровник устраивает большой пир и приглашает всех соседей и кровомстителя. Кровник и кровомститель еще раз совершают обряд примирения: они целуются и мирятся, после этого вражда между ними прекращается (Мела Махмуд Баязиди, 1963, с. 39).

С.: Не совестно спросить — что за дела у вас?

Дж.: Мы пришли в надежде на прощение за [пролитую] кровь.

С.: Я бы охотно удовлетворил вашу просьбу, но это нельзя сделать без кары возмездия.

Дж.: Столько людей надеются, пусть установят плату за кровь.

С.: Эта просьба совершенно невозможна.

Дж.: Мы пришли в твой дом, были приняты, [сделай так, чтобы] мы не возвратились с пустыми [руками].

С.: Если так, взамен крови я хочу [получить] вашу дочь.

Дж.: Прекрасно, мы тоже с этой просьбой согласны (КФР, с. 85).

Среди курдов-мусульман имело место многоженство. Так, один из собеседников рассказывает, что в его доме две жены: старшая — старая, младшая — молодая.

С.: Из них кого ты любишь?

Дж.: Конечно, молодую люблю сильнее.

С.: Давно ты женат на этих двух?

Дж.: Нет, от силы два-три года.

С.: Ваши жены ладят между собой?

Дж.: Нет, клянусь Богом, каждый день шум и ссоры.

С.: Таким образом, нет вам покоя?

Дж.: Да, люди с двумя-тремя женами совсем не имеют покоя.

С.: Вы женились на девушках или на вдовах?

Дж.: Всех уже тогда я взял вдовами.

Заканчивается беседа словами:

С.: Безопасней никогда не жениться?

Дж.: Этого никогда не будет, для дома нужна жена (КФР, с. 11).

Интересны сведения об обряде обрезания: выбирают человека, который станет кумом. Ему посылают двух разукрашенных баранов. Празднование начинается в четверг, шьют праздничные одежды, приглашают цирюльника, много людей, музыкан-

⁴ Мулла.

тов. Благоприятный день для церемонии — суббота. Угощают едой и сладостями (КФР, раздел 16).

Отдельный раздел посвящен рождению ребенка. В частности, жена некоего курда родила двойню — мальчика и девочку:

С.: Оба здоровы?

Дж.: Да, здоровы.

С.: Пуповину перерезали?

Дж.: Конечно, перерезали.

С.: А чем перерезали?

Дж.: Мечом перерезали.

С.: А как [чувствует себя] роженица?

Дж.: Она совсем без сил.

С.: Кому-нибудь об этом сообщили?

Дж.: Соседей, родственников оповестили, отправили добрую весть.

С.: Какие почести оказали повитухе?

Дж.: Дали много денег и подарков.

С.: Отказали [уже] повитухе?

Дж.: Нет, еще рано.

С.: Однако на сколько дней она останется?

Дж.: Останется на две недели (КФР, с. 300, 302).

Среди курдов есть поверье: чем при рождении перережут ребенку пуповину, в той области он и будет искусным мастером, когда вырастет. Как отмечает Мела Махмуд Баязиди, если пуповину мальчика перережут мечом, то он будет искусно владеть им и будет героем. А если пуповину девочки перережут пластинкой золота или каким-нибудь золотым украшением, то считается, что девочка эта впоследствии станет знатной и богатой (Мела Махмуд Баязиди, 1963, с. 45).

Из погребального обряда нужно выделить поминальный ужин: человек проболел шесть месяцев злокачественной лихорадкой и умер, оставив завещание, в котором он завещал треть своего богатства на поминки. В субботу приглашают судью и в течение трех дней принимают гостей и угощают всяческими кушаньями и халвой. Кастрюлю с халвой раздают сельчанам (КФР, раздел 68).

Особо нужно отметить обычай курдского гостеприимства, сложившийся исторически и ставший доброй традицией, гостеприимства простых людей, которые ни за что не отпустят гостя, будь он для них совершенно посторонний человек и даже заклятый враг (о чем говорилось выше), — без угощения, хотя бы самого скромного. Не накормить гостя, не принять его по всем правилам курдского хлебосолия считалось большим позором. Недаром курдская пословица гласит: «Хуже всего для хозяина, если странник уйдет из его дома голодным». Можно влезть в долг, но достойным образом принять гостя.

В «Диалогах» встречаются названия кушаний, употреблявшихся турецкими курдами: жаркое — кюфте-кебаб, рецепт приготовления плова, чтобы он был рассыпчатым; суп из пахты и крупы; имел распространение и йогурт — род простокваши, у курдов называвшийся «маст». Отмечается время приготовления сыра — 10 мая, и делается он около месяца. Самое вкусное масло производят во время цветения. Курды делали масло в бурдюке, который служил для сбивания. Рассказывается и о приготовлении мыла из жира.

Вопреки расхожему мнению, согласно которому курды в середине XIX в. известны прежде всего как скотоводы, в рукописи на вопрос: «Чем вы занимаетесь?» себе-

седник отвечает: «Мы земледельцы (сеем)». Сельскохозяйственными культурами были пшеница и ячмень. Приготовления к севу начинались 15 марта, когда выводили быков в поле после зимнего отдыха в стойле, но пахать еще не начинали. Получали много пшеницы и ячменя, но отсутствовали хранилища и не было покупателей. Поэтому нанимали быков за 40 курушей, чтобы отправить зерно в город. Если же надо было купить зерно, то отправлялись в Персию, так как считалось, что там пшеница и ячмень стоят дешевле, чем в Турции.

Безусловно, кроме земледелия, хлебопашества, огородничества основным занятием курдов Турции являлось животноводство. Разводили главным образом овец, а также коров, буйволиц.

Стихийные бедствия причиняли ущерб хозяйству: урожай побит градом, из-за дождей или засухи в неурожайные годы в зимнее время не хватало кормов, трудно с фуражом, скот кормили корнями кустарников. Выпадение снега считалось божьей благодатью. Во время длительных и тяжелых перекочевок та или иная болезнь уносила много скота. Недостаток и недоброкачественность воды являлись также страшным бичом. А вот как описывается наводнение:

С.: До какого места доходит вода?

Дж.: Она дошла до колена человека, [сидящего] на коне.

С.: Нет еще брода?

Дж.: Есть другой брод, но он к тому же [полон] камней.

С.: Какого рода камни?

Дж.: Камни гладкие, скользят.

С.: Весной каким образом проходят через [разлив] воды?

Дж.: Тогда проходят на плотках, сделанных из бурдюков.

С.: В какое время делают плоты?

Дж.: В начале месяца мая.

С.: На сколько времени поднимается вода?

Дж.: Она поднимается примерно на два месяца.

С.: В каком месте можно проходить на плоту?

Дж.: В нижнем узком проходе.

С.: Кто лодочники?

Дж.: Курманджи.

С.: Какую плату они получают за наём?

Дж.: Они получают с человека куруш.

С.: По крайней мере, их плоты прочные?

Дж.: Они ненадежные (КФР, с. 362, 364).

В засушливый период один раз в две недели подходила очередь на орошение. Задача семьи состояла в том, чтобы её не пропустить. Вначале орошался сад. Надо было наблюдать, чтобы воду не перекрыли, поэтому выставляли стражников. Затем орошалось пшеничное поле. Но если нужно было оросить еще раз, можно было купить очередь.

Дается описание перехода на летние пастбища. Вначале — временная стоянка (*вар*), затем переезжала семья. Старались не переходить границы стоянки, поскольку свободное кочевание приводило к бесчисленным столкновениям из-за пастбищных земель. За пастбищные участки племенные вожди брали налог. Он взимался с каждого хозяйства.

Но вот наступает холод, надо возвращаться. Тогда идут к эмиру узнать, где им поселиться. Необходимо 15 деревень. Предпочитают армянские деревни, нужно остерегаться мусульманских деревень: у их жителей нет корма, к тому же они злобные. А для эмира нужен подарок — лошадь и мул.

Два раза в год, весной и осенью, производилась стрижка овец: белая шерсть складывалась отдельно для ковров и покрывал для лошадей, черная и коричневая — для войлочных покрывал. Были широко распространены профессии шерстобитов, трепальщиков шерсти, валяльщиков. Изготавливали войлочные колпаки, составлявшие обычный головной убор курда.

Тематика диалогов охватывает все сферы жизни курдов Турции середины XIX в. Интерес представляют сведения о географическом расположении города на равнине, окруженного горами, лесом, рекой, садами:

С.: Есть фруктовые сады?

Дж.: Да, бесчисленные.

С.: Какие фрукты там произрастают?

Дж.: Есть различного рода фрукты.

С.: Какие [растут] огородные овощи?

Дж.: Они также разнообразны.

С.: Фрукты тех мест сочные?

Дж.: Нет, они очень безвкусные (КФР, с. 268).

А вот как вырисовывается картина городского фруктового базара:

С.: Какие на базаре есть свежие фрукты?

Дж.: Есть виноград, персики, арбузы, дыни, груши.

С.: Давай купи и принеси несколько арбузов.

С.: Я ходил, арбузов не осталось.

С.: А как [на счет] других фруктов?

Дж.: Они найдутся.

С.: Давайте принесите виноград и персики.

Дж.: Вот я их принес, но хороших нет.

С.: Если хороших не было, зачем ты [их] принес?

Дж.: Я подумал, что, может быть, ты рассердишься.

С.: Нет, отнеси их назад и возьми хорошие.

Дж.: Вы хотите, чтобы я купил груши и дыни?

С.: Если созрели, пусть будут.

Дж.: Несомненно, я принесу те, что созрели.

С.: Сухофрукты тоже найдутся?

Дж.: Всё, что вы пожелаете, найдется.

С.: А есть хорошие винные ягоды?

Дж.: Это может вызвать затруднение.

С.: Можете принести кислые гранаты?

Дж.: Нет, есть только сладкие гранаты.

С.: Купите немного черного изюма.

Дж.: Ничего, если изюм будет красный?

С.: Нет, нужен только черный изюм в качестве лекарства.

Дж.: Поневоле я его найду.

С.: Есть нерасплавленный⁵ мёд?

Дж.: Нет, есть [только] расплавленный.

С.: А как [на счет] фруктового сока?

Дж.: Есть очень хороший (КФР, с. 202, 204).

Даются сведения о городских постройках, крепостной ограде, рве и жителях — курдах и армянах.

⁵ Т.е. засахаренный.

В отдельных районах Турции наблюдалось неоднородное по этническому, языковому, религиозному составу население. Основную массу составляли курды-мусульмане, но в этих же местах жили и армяне. Интерес представляют сведения об армяно-курдских отношениях во 2-й половине XIX в. Курды благожелательно относились к армянам: считали их искусными ремесленниками (золотых дел мастерами, кузнецами, хорошими воинами (КФР, раздел 58)).

Материал «Диалогов» подтверждает мнение многих путешественников, отмечавших отсутствие у курдов религиозной нетерпимости. Так, в деревне, где жили курды-мусульмане и армяне, рядом соседствовали мечеть и церковь, мулла и священник.

Прослеживается употребление и соотношение терминов: *ашир* (кочевое племя), *тайфе* (племенное подразделение) и *бар* (род):

С.: Ты оседлый или кочевник?

Дж.: Нет, я кочевник.

С.: Из какого ты племени?

Дж.: Я зили.

С.: Из какого тайфе [племени] зили?

Дж.: Из тайфе джемалдин.

С.: Из какого бара того тайфе?

Дж.: Из бара азизан.

С.: Кто ваш сосед?

Дж.: Я сосед такого-то.

С.: Ты из какого дома?

Дж.: Я из дома Келлойи Миро (КФР, с. 262).

Из ответов на вопросы можно извлечь биографические сведения об одном из составителей «Разговорника». Приведенные здесь данные достаточно живо и образно вырисовывают его портрет.

С.: Вы знаете [другой] язык, кроме курманджи?

Дж.: Да, знаю.

С.: Сколько языков вы знаете?

Дж.: Знаю три других языка.

С.: Какие языки ты знаешь?

Дж.: Знаю турецкий, арабский и персидский.

С.: Где вы овладели этими языками?

Дж.: Я поскитался по этим странам.

С.: То есть вы хорошо знаете эти языки?

Дж.: Я знаю [их] как мне положено.

С.: Можете читать на этих языках?

Дж.: И это могу.

С.: Если будет нужно, ты сможешь поговорить с людьми?

Дж.: Хорошо смогу [это сделать].

С.: Например, если нужно с одного языка перевести на другой, сможешь это сделать?

Дж.: Это я тоже смогу сделать.

С.: Таким образом, ты готовый мулла?

Дж.: Нет, я не исполняю обязанностей муллы, я знаю языки.

С.: Bravo, прекрасно, ты само совершенство!

Дж.: Ты не хочешь послушать, как я говорю на армянском языке?

С.: Ты и на нем говоришь?

Дж.: Да, очень хорошо.
 С.: Из этих языков какой [самый] трудный?
 Дж.: Конечно, арабский язык трудный.
 С.: Из этих языков какой [самый] сладкий?
 Дж.: Персидский язык [как] сахар.
 С.: Из этих языков какой [самый] высший?
 Дж.: Арабский язык.
 С.: Из этих языков какой [самый] низший?
 Дж.: Турецкий язык.
 С.: В каком языке много идиом?
 Дж.: В арабском языке — бесчисленное множество.
 С.: Каким из четырех [языков] ты владеешь лучше?
 Дж.: Я лучше знаю арабский.
 С.: Почему это так?
 Дж.: Потому что читал арабские книги.
 С.: А сколько времени вы [его] изучали?
 Дж.: Более 15 лет.
 С.: Европейские языки вы также знаете?
 Дж.: Нисколько, мы не знаем и никто не знает (КФР, с. 246–252).

Заслуживают внимания сведения о существовании в середине XIX в. в Турции курдских школ (медресе). В школе насчитывалось около 20 проповедников ислама. Занятия начинались с чтения муллой «Мавлюд'а» известного курдского поэта XV в. Мела Бате, учили законы шариата. Как указано в разделе 4, к концу года едва доходили до изучения грамматики, однако писать ученики не умели (КФР, с. 21, 23).

Из рукописи следует, что в то время существовали книжные лавки, где продавали рукописи и печатные книги по древней истории, сборники стихов на персидском и турецком языках:

С.: У вас есть книги для продажи?
 Дж.: Да, всё, что хотите, находится под рукой. Какого рода книги вы желаете?
 С.: Если есть нужные мне книги, я [их] пожелаю.
 Дж.: Вам нужны рукописные или печатные книги?
 С.: [Нужны книги] обоих видов. Прежде всего принеси рукописи, я их посмотрю.
 Дж.: Вот тебе рукописи.
 С.: Они очень неразборчивые.
 Дж.: Нет, эти книги не имеют никакого изъяна.
 С.: Они очень старые.
 Дж.: Вы выберите новые.
 С.: Кроме этих рукописей есть еще?
 Дж.: Нет, еще есть печатные [книги].
 С.: По древней истории есть книги?
 Дж.: Да, есть всякого рода.
 С.: Какие есть сборники стихов на персидском и турецком?
 Дж.: Их напечатано также много (КФР, с. 252, 254).

Специальный раздел посвящен профессии писаря. Авторами текста этого диалога могли быть Акиф Вани или Ашик Сипки, переписывавшие рукописи почерком *дивани* (как известно, Мела Махмуд Баязиди писал *насхом*). Из беседы явствует, сколь тягостен был труд переписчика, как ничтожно мало он получал средств к существованию, на содержание своей многочисленной семьи:

С.: Что у вас за работа?
 Дж.: Я переписчик.
 С.: Каким образом ты переписываешь?
 Дж.: О чем ты спрашиваешь?
 С.: Какие почерки ты знаешь?
 Дж.: *Солс, насх, талик, дивани*.
 С.: Из четырех [почерков] какой знаешь лучше?
 Дж.: Лучше знаю *дивани*.
 С.: Ладно, а сейчас чем занимаешься?
 Дж.: Иногда [переписываю] книгу, иногда [делаю] копию или [сочиняю] письмо, всё, что придется.
 С.: Вы не можете найти какого-нибудь писаря?
 Дж.: Я, ваш слуга, [слишком] известный писарь, чтобы [в ком-то] нуждаться.
 С.: Для продажи ты тоже пишешь книги?
 Дж.: Иногда пишу, но нет покупателей.
 С.: Если бы написал главы [Корана], тогда бы взяли.
 Дж.: К сожалению, мой почерк [не позволяет].
 С.: Математику вы тоже знаете?
 Дж.: В соответствии с моим положением и [математику] знаю.
 С.: Ну, а можешь ты пером заработать средства к существованию?
 Дж.: Я [только] существую, ни жив ни мертв.
 С.: Удивительно, что ты не можешь жить [своим] пером!
 Дж.: Добро из [этого] мира исчезло.
 С.: Сколько вы зарабатываете в день?
 Дж.: Смотря по обстоятельствам.
 С.: Случается, что ты ничего не получаешь?
 Дж.: Да, бывает, когда я не получаю ни одной монеты.
 С.: Однако есть кто-нибудь, кто вам помогает?
 Дж.: Нет, [только] Бог.
 С.: Какая [у тебя] семья?
 Дж.: Она очень многочисленна.
 С.: В месяц сколько нужно на неё расходовать?
 Дж.: Триста курушей не хватит.
 С.: Однако у тебя не найдутся [другие] занятия?
 Дж.: Нет, может, Бог придет мне на помощь! (КФР, с. 312, 314, 316).

В описываемых районах Турции курды занимались различными ремёслами: существовали оружейные, сапожные лавки. Были и портные. Некто приходит к портному, славившемуся своим искусством, и просит скроить и сшить ему зимнюю одежду. Но когда он приходит за выполненным заказом, оказывается, что одежда испорчена — длинная и узкая. Из диалога вырисовывается образ не очень хорошего специалиста, и к тому же плута и лжеца:

С.: Я хочу, чтобы вы не задержали.
 Дж.: От силы за пятнадцать дней будет закончено.
 С.: Нет, я не смогу [столько] ждать.
 Дж.: Столько одежды быстро не закончить.
 С.: Я хочу, чтобы, кроме моей одежды, вы никому нешили.
 Дж.: Я это закончу быстро.
 С.: Скажи, какую хочешь плату?

Дж.: Сколько дадите.
С.: Что это за разговор? Сколько будет стоить?
Дж.: Столько одежды и ты хочешь красивую?
С.: Итак, шитье стоит больше, чем одежда?
Дж.: Столько расходов и труда.
С.: Нет, скажи правду, какова конечная [цена]?
Дж.: Конечная цена такова, что [одежда] будет стоить немало.
С.: Кажется, ты не хочешь шить?
Дж.: Нет, почему, мне что за дело?
С.: Если ты сошьешь красивую [одежду], я столько тебе заплачу.
Дж.: Бог не допустит, чтобы тебе пришлось стыдиться [своей одежды].
С.: Эта [одежда] получилась длинной и узкой.
Дж.: Нет, по размеру, не маленькая и не большая.
С.: Ты испортил мою одежду.
Дж.: Это довод, чтобы ты дал [мне] поменьше денег.
С.: Почему? Разве до сих пор я уменьшал плату?
Дж.: Если так, эта одежда имеет какие-то недостатки?
С.: Безусловно, к тому же ты кое-что украл.
Дж.: Здорово, молодец, сделай меня еще и вором! (КФР, с. 135, 137, 139).

Из этого разговора следует заключение: не бывает портного без воровства.
Один из разделов рукописи посвящен посещению хирургом раненного ударом копья в спину и саблей в голову.

С.: Что говорит хирург?
Дж.: Он говорит, что не может спасти.
С.: Его хирург невежда.
Дж.: Однако лучшего хирурга, чем этот, нет (КФР, с. 196).

Часто ранения получали из-за столкновений на бытовой почве. Сражения возникали между племенем хайдеран и персами из-за кишлака, или портились отношения между турками и персами из-за границ. Курды разрабатывали план военных действий, для этого они посылали разведчиков в лагерь врага.

С.: Как мы начнем сражение?
Дж.: Мы свое войско разделили на две части.
С.: Одну часть расположим в засаде?
Дж.: Этот план неплохой.
С.: Мы начнем сражение с половиной [нашего] войска и сделаем вид, что убегает.
Когда враг, разделившись, [бросится за нами], остальные из засады нападут на них.
Дж.: Надо, чтобы у войска в засаде были ружья.
С.: Мы в какой стороне будем воевать?
Дж.: Если мы их победим, будет хорошо.
С.: В какую сторону мы их завлечем?
Дж.: Мы их заманим к оврагу в засаду.
С.: А если атаковать ночью?
Дж.: Место неровное, возможности не будет.
С.: А где месторасположение их [лагеря]?
Дж.: На вершине холма.
С.: А нет ли здесь места, где можно расположиться?

Дж.: Да, есть место у высокого камня.
 С.: Враг не занял этот камень?
 Дж.: Нет, камень свободен.
 С.: Если мы этой ночью пошлем на это место пехотинцев?
 Дж.: Будет очень хорошо.
 С.: В каком состоянии их войско?
 Дж.: Расстроенное, оно быстро обращается в бегство.
 С.: Отправившиеся разведчики вернулись?
 Дж.: Совсем не принесли никаких новостей.
 С.: Еще остаемся в бездействии?
 Дж.: Завтра утром мы вступим в бой.
 С.: Если мы нападём первыми, тогда будет хорошо.
 Дж.: [Тот], кто нападет раньше, будет превосходить (КФР, с. 376, 378, 380).

Курды сами изготавливали селитру и порох. «Каждый производит для себя, — говорили они, — защитить некому». Для приготовления пороха брали по одной части серы и селитры и две части угля. Все это просеивали, и получался мелкий порох для ружейного запала:

С.: Откуда вы получаете пули?
 Дж.: Мы берем свинец и заливаем в форму.
 С.: Как делаете капсюль?
 Дж.: Мы просеиваем и самый мелкий порох кладем в запал.
 С.: Какого рода винтовками вы пользуетесь?
 Дж.: Большей частью шестизарядной винтовкой (карабином).
 С.: Как [используете] охотничьи ружья?
 Дж.: Очень мало используем.
 С.: Как выявить хороший порох?
 Дж.: Хороший порох — тот, который зажигают на бумаге, и она не сгорает (КФР, с. 342, 344).

На основании материалов рукописи можно составить представление и о развлечениях курдов в свободное время. Существовал обычай: на досуге они собирались по вечерам каждую пятницу у кого-либо в доме (человек десять-пятнадцать) и проводили время до 4–5 утра за чтением сказания о сокровищах Османа, книг о подвигах Ростема, широко известного и почитаемого курдами героя, и рассказывали истории. Собравшихся угощали различными кушаньями и халвой (КФР, раздел 2). На этих вечерах никто не перебивал рассказчика, не было споров. Это отмечали многие исследователи обычаев курдов. «Не мешая друг другу, каждый говорит в свою очередь, без всякого шума и до того чинно, что любо слушать, — писал К. Хачатуров. — Не то бывает у других народностей, если хоть десять человек соберутся вместе, то поднимается такой гвалт и шум, что ничего не услышишь и не поймешь» (Хачатуров, 1894, с. 68).

Развлечениями курдов являлись и различные игры, например, конные состязания (джарид). Устанавливался часовой путь, и кто приходил первым к отметине, тот выигрывал пари. Популярна была стрельба из ружья (попадание трех пуль без осечки одна за другой в мишень на расстоянии 200 шагов). Иногда ночь проводили за игрой в шахматы, шашки, орехи (по три партии на пари). Занимались также охотой на перепёлок, куропаток, уток, куда отправлялись с гончими собаками и птицами.

В данной статье представлены лишь некоторые стороны жизни и быта курдов Турции XIX в., нашедшие свое отражение в разговорнике; затронуты далеко не все

сюжеты, поскольку прочтение рукописи не завершено и её изучение продолжается. Прежде всего памятник привлекает наше внимание тем, что в нем содержатся сведения о нравах, обычаях, правилах этикета курдов, дающие новый материал для изучения их культуры. Однако не менее важно и то обстоятельство, что авторами диалогов явились видный деятель середины XIX в. Мела Махмуд Баязиди и неизвестные до сих пор в курдоведении поэты Акиф Вани и Ашик Сипки, знания которых в области этнографии и истории курдов не вызывают сомнения.

Сам же А.Д. Жаба готовил разговорник в первую очередь как пособие для изучения курдского языка. И с этой точки зрения данный памятник также вызывает определенный интерес. Язык его довольно прост, лаконичен, понятен, доступен. Авторы полностью соблюдают морфологию и синтаксис диалекта курманджи Турецкого Курдистана, используя при составлении вопросов и ответов главным образом простые предложения. Строго сохранены различия в категории рода имен как в системе изафетных форм, так и в системе форм косвенного падежа. Везде выступает полная косвенная форма множественного числа -ап и изафетная форма множественного числа -êd. Особое место в разговорнике занимают глагольные формы, представленные во всех временах и наклонениях.

В орфографии памятника соблюдена старая традиция написания текста арабским алфавитом, графика которого не отражает фонетических особенностей, характерных для диалекта курманджи.

Живость и выразительность придают диалогам афоризмы, идиомы, пословицы, поговорки. Например: «У страха глаза велики»; «Я седлал лошадь» (означает: «мне было 12–13 лет»); «Кровь кровью не смывают, кровь водой смывают»; «Дружба наша [крепка], как гравюра на камне» и т.д.

Материалы данной статьи, не претендующей на полноту освещения всех вопросов, призваны дать лишь представление о тематике (подкрепленной примерами переводов) значительной части рукописи, которую на данный момент удалось прочитать. В дальнейшем должно последовать более углубленное исследование этого памятника. Несмотря на специфику разговорного жанра, «Диалоги» могут послужить источником по изучению языка и этнографии курдов.

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Российской Академии наук. СПб.

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.

КФР — Курдско-французский разговорник.

Литература

Курдско-французский разговорник — АВ ИВР РАН, разряд III, оп. I, ед.хр. 86.

Мела Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов / Пер., предисл. и примеч. М.Б. Руденко. М., 1963.

Руденко М.Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

Хачатуров К. Курды, черты их характера и быта // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 20. Тифлис, 1894. С. 68.

Чихачев П.А. Письма о Турции. М., 1960. С. 37.

Jaba A. Dictionnaire kurde-français. St.-Pbg., 1879.

Summary

J.S. Musayelyan

A Mid-19th Century Kurdish Manuscript from the Personalia Archive of the Institute of Oriental Manuscripts

The manuscript titled “A Kurdish-French Conversational Book (Kurdish Dialogues)”, from the collection of A.D. Jaba, a Russian scholar and consul in Erzerum (Turkey), dated 1880, was presented to the Leningrad Branch of the Institute for Oriental Studies May 1952 by Prof. V.F. Minorski. The authors of the dialogues in the book are Mela Mahmud Bayazidi, a 19th century Kurdish scholar, and two unknown Kurdish poets. The article addresses the history and origin of the manuscript as well as the subjects reflected in it; such as customs (marital and burial rites, birth of a child), traditional occupations (agriculture, cattle-breeding and crafts), as well as plays and entertainments. The article provides data about Kurdish schools, book stalls, scribal trade, Kurds’ participation in military campaigns, Armenian-Kurdish relationship etc. The monument is a valuable source for studying Kurdish ethnography, culture and language of the time.